

Зависимость между грамматическим строем языка и стратегиями языкового мышления

DOI 10.31483/r-86032

УДК 130.121.4

Савицкая Е.В.

ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация.

id <https://orcid.org/0000-0002-4630-7521>, e-mail: lampasha90@mail.ru

Резюме: В статье рассматривается вопрос о том, как грамматический строй языка определяет структуру предложения и влияет на стратегию языкового мышления. Характеризуются стадии исторического развития языков (инкорпоративная, эргативная, номинативная) и зависимость между строем предложения и строем мышления носителей языка. Отмечается, что общий падеж подлежащего – еще не показатель того, что англосаксы чувствуют себя инициативными строителями и властителями своей судьбы, кузнецами своего счастья и т. п. Общий падеж в одинаковой мере выражает как успех, так и провал, как активность, так и пассивность, как своеволие, так и покорность судьбе. В наше время на Земном шаре сосуществуют языки всех трех типов. При этом языками первых двух типов пользуются не только культурно отсталые, но и цивилизованные народы. Но это не означает, что цивилизованные носители таких языков мыслят архаически.

Методы и выводы. На основе контрастивного анализа языкового материала – английских личных и русских безличных морфосинтаксических конструкций – в статье делается вывод: нет прямой корреляции между характером народа и структурой предложения. Также отмечается, что связь мышления и грамматики состоит не в этом, а в выборе стратегий мышления, исходящих из возможностей грамматики данного языка.

Ключевые слова: аналитический строй языка, синтетический строй языка, языковое мышление, стадии языкового развития, семантическая роль.

Для цитирования: Савицкая Е.В. Зависимость между грамматическим строем языка и стратегиями языкового мышления // Этническая культура. – 2020. – № 3 (4). – С. 35-39. DOI:10.31483/r-86032.

Dependency Between Grammatical Structure of Language and Verbal Thinking Strategies

Ekaterina V. Savitskaya

FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation.

id <https://orcid.org/0000-0002-4630-7521>, e-mail: lampasha90@mail.ru

Abstract: The article contains a discussion of how the grammatical structure of a language determines sentence structure and affects verbal thinking strategy. The stages of languages' historic development (incorporative, ergative, nominative) and the relationship between sentence structure and native speakers' thinking are characterized. The common case of the grammatical subject of a sentence does mean that Anglo-Saxons regard themselves as their own fortune's active makers and masters. The common case equally expresses success and failure, activity and passivity, self-will and conformity. Nowadays, languages of all the three types coexist on the Globe. The languages of the first two types are used not only by primitive peoples but also by civilized nations. But this does not mean that civilized speakers think archaically.

Methods and conclusions. Contrastive analysis of language material (English personal and Russian impersonal morphosyntactic constructions) enables the author to conclude: there is no direct correlation between national character and sentence structure. The connection between thinking and grammar does not consist in this; it consists in the choice of thinking strategies based on the grammatical potential of the language under discussion.

Keywords: analytical structure of language, synthetic structure of language, verbal thinking, stages of language development, semantic role

For citation: Savitskaya E.V. (2020). Dependency Between Grammatical Structure of Language and Verbal Thinking Strategies. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(4), 35-39. (In Russ.) DOI:10.31483/r-86032.

Введение

«В то время как число слов языка представляет объем его мира, грамматический строй языка дает нам представление о внутренней организации мышления», – указал В. фон Гумбольдт [3, с. 345]. Связь между организацией мышления и строем языка стала предметом нашего анализа.

По А.Ф. Лосеву [4], в ходе культурно-исторического развития языковое мышление проходит ряд стадий; каждой из них соответствует определенный грамматический строй языка. Для каждого строя языка характерен свой тип предложения. В ходе эволюции человеческого мышления языки проходили инкорпоративную, эргативную и номинативную стадии.

Инкорпоративная стадия – самая ранняя из них. В древнейшие времена человек, с его слаборазвитым

сознанием, еще не умел отчетливо противопоставлять себя окружающему миру. Мир (внешний феномен) и картина мира (феномен внутренний) были для человека практически тождественны. Отсюда проистекал полисинтетизм грамматического предложения (точнее,proto-предложения, именуемого инкорпоративным комплексом): в его составе субъект еще не выделялся (или, по крайней мере, весьма нечетко выделялся) из реальности как самостоятельная сущность.

На следующей – эргативной – стадии субъект уже отчетливо выделялся, но в качестве субъекта выступал не человек. Человек позиционировал себя как орудие в руках субъекта. Вместо *Волка убил охотник* предложение строилось по схеме *Волка убило охотником* (ср. с русской реликтовой конструкцией *Ивана убила молнией*, *Избушку занесло снегом*, *Ветром*

сорвало крышу). В качестве субъекта выступало выраженное соответствующей формой глагола некое «Оно» – сверхъестественное существо, причина и инициатор всего происходящего в мире. В частности, «Оно» убило Ивана молнией, а волка – охотником. Охотник мыслился не как инициатор действия, а как инструмент инициатора (божества, демона, идола и т. п.). Люди еще не чувствовали себя хозяевами мира – слишком слабы и беспомощны они были перед природными стихиями в древние времена.

Наконец, на *номинативной* стадии развития мышления и языкового строя человек, добившись успехов в покорении сил природы, ощутил себя хозяином жизни и инициатором действий. Образно говоря, человек ссадил божество с престола и уселся на него сам. В морфологии языка возник самостоятельный, независимый падеж существительного – *номинативный*. Он противопоставлен косвенным падежам в том отношении, что он не управляемся глаголом. В синтаксисе возникло «гордое» подлежащее, существующее само по себе и диктуемое сказуемому лицу, число и грамматический род.

Теоретическая база

В XX – XXI веках появился целый ряд исследований, в рамках которых делались попытки увязать особенности грамматического строя языка со спецификой менталитета народа. Так, А. Вежбицкая [1; 2], К. Годдард [11], С.Г. Тер-Минасова [6], Ю.В. Чернавская [9] утверждали: в английском предложении подлежащее выражено именем существительным в номинативном падеже, передающем семантическую роль «агенс», что, по их представлению, говорит об активности, инициативности, самостоятельности англосаксов – покорителей мира, хозяев судьбы и кузнецов своего счастья. Согласно этому тезису, такой строй языкового мышления стимулирует активную деятельность и помогает добиваться жизненного успеха.

По контрасту утверждалось, что в русском языке обилие безличных и неопределенно-личных конструкций с нуль-подлежащим или с подлежащим в косвенном падеже говорит о пассивности носителей русского языка, фатализме, покорности судьбе и неспособности выступать в качестве хозяев жизни. В порядке подтверждения приводились парные примеры типа англ. *Wow, I did it!* (букв. «Вай, я сделал это!») и рус. *Ура, у меня получилось!* Подчеркивалось: англосакс сделал дело, а у русского оно как бы «само» получилось. Это различие прослеживалось при описании не только действий, но и состояний. Ср. англ. *John feels sad* (букв. «Джон ощущает грусть») и рус. *Ивану грустно*. Англосакс – субъект душевного состояния (имя актанта стоит в номинативе), а русский – скорее его объект: душевное состояние пришло к нему извне, помимо его воли, о чем говорит дативная форма имени актанта.

Такие утверждения лишь на первый взгляд кажутся убедительными. Более тщательный анализ позволяет увидеть шаткость подобной аргументации. Мы имеем возражения против вышеприведенного тезиса.

Материал и методы исследования

Материалом анализа в нашей работе стали английские личные конструкции с глаголом в активном залоге, сопоставлявшиеся с русскими безличными конструкциями методом контрастивного анализа. Сопоставление показало: английская личная конструкция предложения с глаголом в активном залоге *не* носит сугубо *агентивный* характер. Агенс – это деятель (сознательный инициатор действия). Данная семантическая роль входит в падежный фрейм *только* акциональных глаголов (глаголов действия). Однако в английском предложении подлежащее сочетается не только с акциональными, но и с любыми другими глаголами и выражает не только

– агенс (John made «Джон сделал»), но и все другие семантические роли:

– пациент, т. е. претерпевающий (John underwent «Джон подвергся»);

– адресат, т. е. получающий (John received Джон получил);

– статив, т. е. пребывающий в состоянии (John slept «Джон спал»);

– релятив, т. е. состоящий в отношении (John belonged «Джон принадлежал»);

– экспериенцер, т. е. ощущающий (John felt «Джон ощущал») / воспринимающий (John heard «Джон слыхал»);

– локант, т. е. находящийся где-то (John was inside «Джон был внутри»);

– локатив, т. е. вмешающий (How many secrets did she keep tucked deep inside her? «Сколько тайн хранила она глубоко в себе?» [13, p. 128]) и др.

Этот факт *не* позволяет утверждать, что высокая речевая частотность конструкции с подлежащим в общем падеже при глаголе в активном залоге свидетельствует об активном, деятельном характере англосаксов. Англосаксы и вправду деятельные, но это – экстралингвистический факт; вызывает сомнения существование причинно-следственной связи между этой чертой характера народа и этой грамматической конструкцией. Есть основания утверждать, что она частотна *не* поэту, а потому, что английская грамматика, с ее бедным флексионным фондом, не допускает почти никаких других падежных форм подлежащего – в частности, формы датива. У английского существительного попросту нет датива, а потому нет и дативной конструкции.

Английское подлежащее стоит *не* в номинативом, а в *общем* падеже, принципиально отличающемся от номинативного. Поскольку английское имя существительное в наши дни имеет лишь 2 падежа (общий и притяжательный), общий падеж (иногда с предлогом) вынужденно выражает *все* падежные значения, в ряде случаев выражая даже посессивность (The slave belonged to his master «Раб принадлежал господину»), которая обычно выражается формой притяжательного падежа. Именно по этой причине данный падеж имеют общим.

По-русски можно сказать *Ивана зашатало*, потому что форма аккузатива (*Ивана*) передает семантическую роль «пациент», а глагольная форма третьего лица сред-

него рода ед. числа (*зашатало*) подразумевает нуль-подлежащее в семантической роли «агенс». В английской же грамматике такая конструкция просто невозможна, т. к. у существительного нет аккузатива, у глагола нет рода, а в прошедшем времени нет лица. Английская морфология сравнительно бедна, поэтому большую роль играет синтаксис – в частности, позиция подлежащего, приобретшая функциональный универсализм.

Мысль о том, что кого-то зашатало, англосаксы вынуждены выражать так: *John staggered* («Джон зашатался»). Перед нами форма не номинативного и не аккузативного, а общего падежа, и Джон – не деятель, а носитель состояния, который в данной ситуации лишен агентивности. Его агентивность – *иллюзия*, навеянная тем фактом, что его имя стоит в позиции подлежащего и не имеет флексии косвенного падежа. Но этот факт *не* говорит об агентивности Джона. Нельзя задать вопрос *What did John do?* («Что сделал Джон?») и ответить: *He staggered* («Он зашатался»), поскольку *staggered* («зашатался») – *не* действие. Джон ничего не сделал; с ним что-то произошло: *What happened to John?* – *He staggered* («Что случилось с Джоном? – Он зашатался»). Джон здесь – пассивная сторона, в какой бы форме ни стояло его имя. Это *не* вопрос особенностей менталитета народа; это вопрос возможностей грамматики языка.

Подчеркнем: конструкций типа *У меня не вышло* в английском языке нет *не* потому, что англосаксы – хозяева своей судьбы, а потому, что у английского существительного нет косвенных падежей, кроме притяжательного (а по мнению ряда ученых, нет и его). Они вынуждены во всех случаях использовать форму общего падежа: *У меня не вышло – I failed*. Английская конструкция ничуть не «агентивнее» русской: ведь тот, кто провалил дело, – не хозяин судьбы. Как видим, причина носит не культурный, не психологический, а лингвистический характер: это дефицит падежных форм, влекущий за собой функциональный универсализм общего падежа.

Если бы англосаксы, строя свою речь, намеренно ставили подлежащее в номинативную форму при наличии альтернативных форм (косвенных падежей), можно было бы говорить о гордом духе народа – хозяина мира, выбирающего номинатив как средство обозначения самого себя и предпочитающего его всем другим формам. Но в английском языке практически *нет* такой альтернативы, нет других форм, а значит, нет и выбора. Любому падежу русского имени существительного соответствует общий (не номинативный!) падеж английского существительного: Ивана (родительный) нет дома – *John* (общий) *is out*; Ивану (дательный) снится – *John* (общий) *dreams of*; Ивана (винительный) трясет – *John* (общий) *shakes*; над Джоном (творительный) издаются – *John* (общий) *endures bullying* и т. д.

Результаты исследования и их обсуждение

Как видим, носители английского языка обо всем говорят в общем падеже. Ничего другого им не остается – ведь, как упоминалось, у английского имени существительного нет косвенных падежей, кроме притяжательного (а возможно, нет падежей вообще). Мы

полагаем, что дело здесь не в менталитете английского народа, а в строе английского языка. По логике вещей, в любом языке, который характеризуется дефицитом падежных форм, дело обстоит так же, какому бы народу с каким бы менталитетом этот язык ни принадлежал.

Общий падеж подлежащего – это еще не показатель того, что англосаксы чувствуют себя инициативными строителями и властителями своей судьбы, кузнецами своего счастья и т. п. Общий падеж в одинаковой мере выражает как успех, так и провал, как активность, так и пассивность, как своеволие, так и покорность судьбе.

В наше время на Земном шаре существуют языки всех трех типов – инкорпоративного, эргативного, номинативного. При этом языками первых двух типов пользуются не только культурно отсталые, но и цивилизованные народы. Но это не означает, что цивилизованные носители таких языков мыслят архаически (это было бы противоречием в терминах). Архаические черты этих языков давно уже стали условностью, не мешающей мыслить современно вопреки употреблению архаических языковых форм. На глубинном уровне языкового мышления носители таких языков думают цивилизованно и лишь на поверхностном уровне оформляют мысль на старинный лад.

Как показали итоги изысканий в области универсальной грамматики, генеративной семантики и семантического синтаксиса, грамматики языков мира обладают семантическим инвариантом, который может быть описан, в частности, в виде системы семантических ролей, но только не филлморовской [7; 8], которая зависит от характера семантики английских глаголов, а скорее груберовской [12], которая носит долексический характер и определяется не семантикой глаголов того или иного отдельно взятого языка, а ролевой структурой обозначаемой ситуации независимо от языка. Носители разных языков передают одни и те же грамматические значения с помощью неодинаковых грамматических форм.

Отсюда следует: прогрессивный строй мышления, ставящий субъекта во главу угла и позиционирующий человека (а не божество) в качестве господина положения и хозяина жизни – свойствен современным цивилизованным людям, и он по большей части не зависит от типа грамматики их языков (хотя какое-то реликтовое влияние может в малой мере сохраняться). Мысление (вещь подвижная) опередило грамматику (вещь довольно консервативную). Говоря по-старому, современные люди мыслят по-новому. По нашим наблюдениям, не существует жесткой обусловленности строя мышления строем языка. Этот тезис находится в русле умеренной версии гипотезы Сепира – Уорфа.

Люди не могут всё время подгонять грамматику своего языка под быстрое развитие своего мышления, поскольку в этом случае нарушилось бы динамическое равновесие между изменчивостью и устойчивостью языка; язык утратил бы способность выполнять коммуникативную функцию, потому что конвенции, необходимые для общения, не успевали бы устанавливаться во всенародном масштабе. Возникло бы «вавилонское столпотворение» взаимного непонимания. Поэтому в языке сохраняется немало атавизмов; но они в целом не мешают языку нормально функционировать.

Отвечая на вопрос о том, как связаны строй языка и языковое мышление народа, нужно учитывать, что народы и языки *не* изолированы друг от друга, что они образуют гиперэтнические общности. Не следует увязывать одну черту грамматики языка с ментальностью одного народа. Так иногда поступала А. Вежбицкая. По ее мнению, английская личная форма *John wants* «Джон хочет» подразумевает: данный субъект контролирует собственное интенциональное состояние и берет на себя ответственность за него, тогда как русская безличная конструкция *Ивану хочется* подразумевает, что субъекту неподконтрольно его интенциональное состояние (не Иван хочет, а оно «само» хочется), а значит, англосаксам свойственна самодисциплина и ответственность, а русским – недисциплинированность и безответственность [2, с. 69–70]. Такой вывод зовется в логике ошибкой поспешного обобщения. Выше мы показали, что никакой «самостоятельности» общий падеж не имплицирует.

По нашему мнению, чтобы добиться достоверности выводов, следует отказаться от атомарного подхода и осуществлять глобальный подход. Нужно рассмотреть определенный тип менталитета, присущего группе народов, и попытаться найти причинно-следственную связь с языками этих народов. Укладываются ли эти языки в определенный тип? Если окажется, что да, тогда появляются основания для утверждения о взаимовлиянии типа ментальности и типа языка. И наличие этой связи надо доказывать на обширном эмпирическом материале, не ограничиваясь декларациями о причинной связи единичного языкового факта и единичной черты этнического менталитета.

Например, сомнительным выглядит утверждение о том, что стремление англосаксов к свертыванию сложных предложений в лаконичные простые предложения, совершающему в соответствии с законом языковой экономии, свидетельствует о бережливости англосаксов, проявляющейся при ведении хозяйства. Об экономности как черте характера англичан, по М. Дейчбейну, говорит и упразднение косвенных падежей в английском языке [10, S. 183]. Такого рода недостаточно обоснованное

высказывания в логике именуются правдоподобными рассуждениями.

Прежде чем объяснять то или иное языковое явление психологическими и / или культурными причинами, следует тщательно проверить, не обусловлено ли оно собственно лингвистическими причинами. Лишь если лингвистических объяснений не найдено, можно с осторожностью выдвигать психологические и культурологические предположения. Эта методологическая установка пребывает в соответствии с известным методологическим принципом, гласящим: сущностей не следует умножать сверх необходимости [5, с. 140].

Выводы

Сказанное подводит к выводу: вопреки мнению ряда лингвистов, широкая распространность в английской речи предложений с подлежащим в общем падеже при глаголе в активном залоге *не* свидетельствует об агентивности английского языкового мышления, якобы проистекающей из инициативности и активности англосаксов. Специфика английского языкового мышления состоит не в агентивности подлежащего, а в использовании подлежащего в общем падеже для выражения всех семантических ролей (в отличие, например, от русского языка, в котором разным семантическим ролям соответствуют разные падежные формы существительного). Этот факт обусловлен не особенностями англосаксонского менталитета, а спецификой морфологии английского имени существительного.

Носители английского языка, как и все цивилизованные народы, четко различают семантические роли на «глубинном» (семантическом) уровне. Но на «поверхностном» (синтаксическом) уровне, за неимением развитой падежной системы, англосаксы выражают семантические роли одной и той же формой общего падежа, занимающей позицию подлежащего, подразумевая ту или иную семантическую роль. В этом состоит одна из стратегий английского языкового мышления. Но прямая корреляция между менталитетом народа и строем языка *не* прослеживается.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Семантика грамматики [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Изд-во РАН, 1992. – 32 с.
2. Вежбицкая А. Русский язык [Текст] // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 33–88.
3. Гумбольдт, В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития [Текст] // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкоизнанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 307–354.
4. Лосев А.Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления [Текст] // А.Ф. Лосев. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 280–407.
5. Оккам У. Сущее, сущность и существование // У. Оккам. Избранное. – М.: Едиториал URSS, 2002. – С. 136–144.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 146 с.
7. Филлмор Ч. Дело о падеже [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 369–495.
8. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 496–530.
9. Чернавская Ю.В. Народная культура и национальные традиции [Текст] / Ю.В. Чернавская. – Минск: Беларусь, 2000. – 421 с.
10. Deutschbein M. Grammatik der Englischen Sprache auf Wissenschaftlicher Grundlage [Text]. – Leipzig: Quelle & Meyer, 1953. – 264 S.
11. Goddard C. Meaning and Universal Grammar – Theory and Empirical Findings [Text]. – Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2002. – 337 p.

12. Gruber J.S. Studies in Lexical Relations [Text]. – Bloomington: Indiana University Linguistics Club, 1970. – 224 p.
 13. Jump Sh. The Sweetheart Rules [Text]. – N.Y.: Berkley Publishers, 2014. – 304 p.

References

1. Wierzbicka, A. (1992). The Semantics of Grammar., 32. Moscow: Russian Academy of Sciences.
2. Wierzbicka, A. (1996). Russian Language. A. Wierzbicka. Yazyk. Kul'tura. Poznanie, 33-88. Moscow: Russkie slovari.
3. W. von Humboldt (1984). On the comparative study of language and its relation to the different periods of language development. W. von Humboldt. Izbrannye trudy po yazykoznaniju [Selected works on linguistics], 307-354. Moscow: Progress.
4. Losev, A. F. (1982). On types of grammatical sentences in connection with the history of thinking. Losev A.F. Sign. Symbol. Myth. Works on linguistics., 280-407. Moscow: Moscow State University.
5. Okkam, U. (2002). Sushchee, sushchnost' i sushchestvovanie. U. Okkam. Izbrannoe, 136-144. Moscow: Editorial URSS.
6. Ter-Minasova, S. G. (2000). Language and Intercultural Communication., 146. Moscow: Slovo.
7. Fillmore, C. (1981). The case for case. Novoe v zarubezhnoi lingvistike, Vol. X, 369-495. Moscow: Progress.
8. Fillmore, C. (1981). Delo o padezhe otkryvaetsia vnov'. Novoe v zarubezhnoi lingvistike, Vol. X. 496-530. Moscow: Progress.
9. Chernavskaya, Yu. V. (2000). Narodnaya kul'tura i natsional'nye traditsii., 421. Minsk: Belarus'.
10. Deutschbein, M. (1953). Grammatik der Englischen Sprache auf Wissenschaftlicher Grundlage., 264. Leipzig: Quelle & Meyer.
11. Goddard, C. (2002). Meaning and Universal Grammar – Theory and Empirical Findings., 337. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins.
12. Gruber, J. S. (1970). Studies in Lexical Relations., 224. Bloomington: Indiana University Linguistics Club.
13. Jump, Sh. (2014). The Sweetheart Rules., 304. N.Y.: Berkley Publishers.

Информация об авторе

Савицкая Екатерина Владимировна – канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация.

Information about the author

Ekaterina V. Savitskaya – candidate of philological sciences, associate professor of FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation.